

требования к Алексею были столь суровыми и бескомпромиссными.

Вернемся к анализу первого послания. Его центральная часть начинается с непосредственного обращения царя к сыну с выражением глубочайшей горести, вызванной нерадивостью наследника его нежеланием трудиться, идти по пути, проложенному отцом: «Егда же сию богом данную нашему отечеству радость (т. е. победу над шведами, — М. Н.) рассмотря, обозрюсь на линию наследства, едва не равная радости горесть меня снедает, видя тебя, наследника, весьма на правление дел государственных непотребнаго (ибо бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил, ниже крепость телесную весьма отнял: ибо хотя не весьма крепкой природы, обаче и не весьма слабой)».

Больше всего Петра тревожила нелюбовь царевича к воинскому делу, успехами которого Россия преобразилась и открыла дорогу к новой жизни. «Паче же всего, — сокрушался царь, — о воинском деле ниже слышать хочешь, чем мы от тьмы к свету вышли и которых не знали в свете, ныне почитают!». Создателю русского флота и регулярной армии, одержавшей блистательные победы на полях сражений, воину и полководцу, Петру I больше всего хотелось видеть в характере сына-наследника хотя бы некоторое родство с собой, хотя бы только интерес к тому делу, которым был одержим он сам, только «желание», «охоту», «любовь» к наукам и делам ратным, а без того он не мыслил себе правителя созданной им новой России. «Слабостию ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон, — писал Петр сыну. — Ибо не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь отлучить не может».

Обратить ум и сердце сына к активной и целенаправленной деятельности, подчинив ее принципу государственной пользы, — вот та главная задача, которая решается в центральной части послания. С этой целью автор стремится опереться отнюдь не на веру, а на разум своего сына и на его чувства долга перед отечеством и долга сыновнего. Основным же средством воздействия избирается при этом убеждение, осуществляемое не в форме обычного в древнерусской литературе отцовского поучения и наставления и не путем перечисления правил и норм жизненного поведения. Новизна идей, которыми руководствовался автор и которые стремился во что бы то ни стало внушить своему адресату, актуальность и острота обсуждаемых вопросов требовали иных, более сильных и более действенных форм внушения и агитации. Перед нами не ровное, спокойное движение мыслей и чувств автора, а поток страстей, борьба мнений, горячий взволнованный спор, сопровождаемый то экскурсами в историю, то обращением к своему личному опыту военной и государственной деятельности, то примерами из повседневного быта царской семьи.